

Упал закат на круп коня.
Дороги вновь манят меня.
В пыли дорожной, теплой и мягкой,
Только копыта тихо стучат.

Остался замок у мелкой речки,
Лишь конь устало звенит уздечкой.
Тихие рощи ночью укрыты.
Только копыта тихо стучат.

Моря и горы... Да, путь мой светел.
Всегда со мною копы и ветер.
Звезды уснули в гулкой Вселенной...
Только копыта тихо стучат.

Эти стихи он написал в девятом классе. Себя тогдашнего нынешний Сергей Викторович характеризует коротко и емко: это был ужас. Самым большим удовольствием в детстве было - бежать до соседнего дома. Метров 70. В чешках. Ему казалось, что он не касается земли.

- Ты в детстве кем себя видел?

- Робин Гудом. Д'Артаньяном хотел быть и капитаном Со-
рвиголова.

**- Лет в пятнадцать ты пытался представить себя трид-
цатилетним? И соответствуешь ли ты сегодня этим пред-
ставлениям?**

- Когда сажусь на коня, думаю, что соответствую. Я пре-
красно себя в эти минуты чувствую - полное ощущение того, что
я там, где должен быть. И что-то теплое кругами в животе. Все
остальное мне странно. Скажем, наличие жены. Я не знаю, как
к ней относиться в этом смысле, она не укладывается ни в ка-
кие детские представления. Зато с детьми хочется поиграть на
равных.

В синем небе апельсин - это солнышко.
Облака, как корабли - книзу доннышом.
Помню, в школу не пошел майским вторником
И тогда еще решил - стану дворником.
В зоосаде добрый слон, пони в коврике.
Маму помню со спины в летнем дворике.
Под извозчика попал мячик старенький.
Плачет мальчик - это я. Только маленький.

**- В тебе много осталось от тебя, толь-
ко маленького?**

- Да все осталось. Новое что-то приходит
- а это остается. И никуда из человека не
уходит. Ни из кого и никогда.

- Тебя тогда легко было обидеть?

- Да. Слишком легко. Я думаю, что все,
что со мной сегодня происходит, - из-за того,
что меня слишком легко было обидеть. Сей-
час это сделать очень трудно.

- А что тебя сейчас может зацепить?

- Не скажу.
**- Ты часто отвечаешь "не скажу" на
вопросы интервьюеров?**

- В первый раз. Я вообще стараюсь не
врать в интервью. Кому? Зачем? Лучше уйти
от ответа или не отвечать вовсе.

В жизни Жигунова всегда находилось
место подвигу. О "подвигах" детства он
распространяться не любит, считая их
достоянием криминальной хроники. Сверше-
нием, достойным публикации, Сергей счита-
ет туалет, построенный им на пару с другом
в Сухуми, в пансионате. Уверяет, что вещь
получилась шикарная.

- Я очень люблю своего папу. Он хоро-
ший человек. В свое время он боксировал
очень серьезно, и у него было 14 нокаутов с
левой, хотя он "правша". Недавно я пытался
выяснить, в чем дело, и он сказал, что с ле-
вой близко, а с правой далеко, открываться
надо. Я боялся, - сказал папа, - и тут же но-
каутировал моего кореша, который решил
проверить это на деле. Его из спорта забра-
ла мама, театральный режиссер. И до сих
пор - идут 6-7 хулиганов - он спокойно идет
навстречу, не боится.

Что случилось, кто ответит?
На арене в ярком свете
Рыжий клоун громко плачет,
А вокруг лошади скачут.
Слезы тонкой струйкой льются,
Об ботинки звонко бьются...
Громко зрители кричали:
Вы не плачьте, рыжий клоун!
Вы зачем в такой печали -
Может, что случилось в доме?
И ответил барабанщик:
Этот клоун - он обманщик
И не вкладывает душу.
Этот фокус - на обмане,
И резиновая груша
У него лежит в кармане.
Было б много интересней,
Если б он рыдал всерьез.
Но тогда ему не хватит
Либо сердца, либо слез.

В начале киносериала Жигунова ожидало два пути: либо
типаж, либо, кочующее из кадра в кадр, либо характер-
ный актер - серьезной заявкой к тому стал милиционер
Сергей из фильма Петра Тодоровского "По главной улице с ор-
кестром" - он не выходит из памяти ни у самого Жигунова, ни у
тех, кто давно следит за его работой в кино. Но он оказался в
нужное время в нужном месте, снялся в "Гардемаринах" и стал
героем. Он, разумеется, был к этому готов - в силу вышеупомя-
нутых подвиг.

Войти в роль героя, наверное, легче, чем выйти из нее и
снова стать простым начинающим артистом, робким продавцом
своих способностей, чья дальнейшая судьба во многом зависит
от того, с какой ноги встал сегодня режиссер, продюсер или
спонсор...

Так появилась фирма "Шанс", и Жигунов из простого гарде-
марина переквалифицировался в генерального директора. Воз-
можно, поначалу его мало кто принимал всерьез. Жигунов сме-
ется: "Может, и сейчас не принимают. Я не спрашивал ни у кого.
Да пусть не принимают. Когда поймут, что ошибались, поезд бу-
дет далеко-далеко..."

... Сегодня режиссерам со мной очень хорошо работать. Во-
первых, я денег не прошу практически - это немного повышает
мою конкурентоспособность. А во-вторых, я буквально всем
картинам, в которых снимаюсь, оказываю поддержку - все это
знают, и это становится проблемой, потому что разговоры с ре-
жиссерами стали приобретать такой характер: не могли бы вы
сыграть главную роль, кстати, нам денег не хватает на фильм.
У меня сейчас есть очень хорошее предложение с Одесской
студии, но я не уверен, что они найдут деньги на съемку. А я по-
мочь больше не буду. Во-первых, мне необходимо возвращать
вложенные деньги, а в успехи сегодняшнего кинопроизводства
я не очень верю. Во-вторых, меня раздражает сам подход, я-то
очень четко разделяю в себе предпринимателя и актера...

Мягкий снег, белый снег, первый снег летит с небес,
И бегут за ним мальчишки в теплых валенках и без.

Только дворники не рады, их угрюмые отряды,
Взяв лопаты, как солдаты, держат их наперевес.
Мягкий снег, белый снег, первый снег летит с небес
На дома и на дороги, на далекий чудный лес.
В небесах снежинки кружат, с ними зимний ветер дружит.
Он стеклил все утро лужи, дул в трубу и ждал чудес.
Чудеса, чудеса, ты смотри во все глаза
На подарки, что нам дарят этой ночью небеса.

- Тебя можно назвать строгим отцом?

- Недавно выпорол Машу - младшую дочь. Она уда-
рила собаку. Собака совсем маленькая, а она ее удари-
ла игрушкой по лбу. Меня как подкинуло - и я сказал:
сейчас я тебя буду пороть. И она как-то поняла, что про-
винилась и действительно это заслужила. Такая бандит-
ка. Три с половиной года.

- А Насте, старшей, сколько сейчас?

- Она уже в том возрасте, когда девушки начинают
строить глазки. Я на днях пытался выяснить, сколько ей
лет. Она хитро на меня посмотрела: "А зачем ты спраши-
ваешь?" - "А в каком ты классе?" - "Ну вообще, приеха-
ли", - сказала она и ушла в свою комнату. Она уже боль-
шая. Ей уже мальчишки звонят.

- Да ты отменный семьянин!

- Я иногда пугаю жену. Говорю: хочешь, я тебе расскажу,
что со мной сейчас происходит? И рассказываю - не больше по-
ловины. И она три дня потом не требует, чтобы я убирал тарел-
ку со стола в мойку. Она меня жалеть
начинает. Это нечестный прием, но
говорю я чистую правду.

Когда снимали первых "Гардема-
ринов", ему сказали: на этот балкон
ты не залезешь. Пусть каскадер де-
лает. Жигунов два дня "бил мордой
об стену" и все-таки залез. По голой
стене.

Владимир Балон, постановщик
трюков, сказал просто: "Жигунов зав-
тра прыгает с крепостной стены на
лошадь. Каскадеров не надо". Ну как
тут было не прыгнуть? А лошадь
сверху такая маленькая... Раз шесть
прыгал на репетиции - один раз пла-
щом зацепился. Обошлось. Потом
каскадер сказал: "Я могу прыгнуть -
сделайте на полтора метра выше".
Прыгнул - и сломал обе пятки. Про-
махнулся.

На вторых "Гардемаринах" тоже
был трюк. Он должен был, сидя на
одной лошади и держа в руках по-
водья двух других, пустить их в галоп,
своей лошадью практически не уп-
равляя. Если бы одна из лошадей в
галоп не пошла - его бы просто разо-
рвало. А все потому, что один офицер
сказал: "Ты этого не сделаешь. Ты и
на лошади-то ездить не умеешь..."

- Мои амбиции мне очень помога-
ют. Ну что-то же должно двигать че-
ловека вперед. Меня не деньги дви-
гают и не желание славы. У меня нет
страсти "засветиться". Раньше, на-
верное, была. А сейчас я получаю
удовольствие от удивления, которое
испытывают люди, когда узнают, что я делаю. Это са-
мый большой кайф. Мы снимаем сейчас пятидесятисе-
рийный телефильм по двум романам Дюма - "Королева
Марго" и "Графиня де Монсоро". Когда я впервые собрал
съемочную группу и сказал, что мы будем параллельно,
двумя группами, снимать два романа сразу, - старые ки-
нематографисты захохотали в голос. У второго режиссе-
ра, который уже сто лет работает - с итальянцами, с
американцами, с кем только не работал, - так у него бы-
ло что-то вроде нервного приступа. Все решили, что я
просто сошел с ума. А теперь они работают совершенно
спокойно и считают, что так и надо.

Понимаешь, этого не только у нас, а и в мире никто
не делал. У меня тут были переговоры с американцами,
они позвонили от нас в "Тайм телевижен", сказали: рус-
ские делают картину, 50 серий по 52 минуты - то есть
для них это сто серий - на "Кодаке", сто пятьдесят с лиш-
ним персонажей, экранизация двух романов Дюма. Им
ответили: пойдите проспите, этого просто нельзя сде-
лать, а русские тем более не могут. Они говорят: мы бы-
ли в павильоне, в примерной, в костюмерной, они вот-вот вклю-
чат камеру! Им отвечаю: прийдите в себя, быть этого не мо-
жет! Да мне многие говорили, что я этого никогда не сделаю...

**- Преодолевать трудности - это кайф или осознанная не-
обходимость?**

- Раньше был кайф. Потом было предынфарктное состоя-
ние. Два года назад валерьянку капали в стаканчик. Ночью
просыпался, вскакивал, кидался на стенку. Теперь это работа.
Я, как к работе, к этому и отношусь. Спокойно.

В нашем кино отсутствует середина. То, что играл Янков-
ский во "Влюблен по собственному желанию", - это была
попытка поймать середину между серьезным кино и гар-
демаринским раздолбайством. Этот пласт можно очень серьез-
но делать. Я не пытаюсь это поймать, просто я думаю, что, если
у нас возникнет "кинематограф середины", там будет мое ме-
сто. "Три товарища" могут быть "кинематографом середины" - я
обязательно их сниму и обязательно буду там играть. Это не
"Макаров" и не "Сердца трех". Я думаю, что будущее именно за
таким кинематографом. Это примерно то кино, что чаще всего
получает "Оскара" в Америке, которое всегда будет вызывать

интерес у широкого зрителя, но от которого и критика не
будет морщиться. Это - массовое кино высокого уровня.

Я твердо знаю, что мои герои нужны зрителю - что бы
там ни говорили. У них есть качества, которых сейчас
мучительно не хватает. Я играю хороших надежных
людей, которые своих не предадут. Которые способны на
серьезные поступки, на серьезные нарушения, которые жи-
вут по собственному закону, исповедуют собственную прав-
ду. Порядочных и честных. В актере всегда должно быть
что-то от персонажа - иначе он этого не сыграет. Поэтому я
не хочу играть Гамлета. Я и артистом по большому счету се-
бя не считаю - хотя я профессионал. Бывают единицы, Бо-
гом поцелованные в макушку, - такие, как Маковецкий, ко-
торый может сыграть все, что угодно. Вот Маковецкий - ар-
тист, а я - нет. Но это не значит, что рядом с ним на съемоч-

ной площадке я буду выглядеть хуже, что буду менее убе-
дительно. Я уже очень хорошо оснащен технически и хорошо
умею пользоваться тем, что у меня есть. Искренность моих
чувств, которую я в состоянии донести до зрителя, которая бу-
дет его интересовать именно во мне. Точность, которая возника-
ет в процессе внутренней работы. Все это есть. Но я не артист -
я играю лишь то, что мне хочется. И насильно себя не буду.

Я подобрал у кедра кусок коры горячий,
Коричневой ладошкой упавший на песок.
И вдруг построил лодку, корабль ненастоящий,
Найдя для мачты веточку, для снасти - волосок.
Он вышел самым смелым, с березовым листочком,
И по дождю вчерашнему в дорожной колее
Отправился за счастьем, а я взяв платочком.
И стало небо синим. А мне - не по себе...

...Я сесть начал в последний год. Я хорошо себя чувствую, ты
знаешь. Я делом занимаюсь, и я себя за это уважаю...

Уважают его, наверное, все, кто знает, - хотя далеко не
все любят. В деле он - не сахар, хотя со всеми прочими
окружающими ровен и дружелюбен. В апреле он заканчи-
вает подготовительный период и в мае начинает снимать кино,
"которое снять нельзя". В детстве он ложился под поезд между
рельсами - потому что говорили, что это очень страшно. Его
вовремя застучали и оттащили. В юности дрался одной левой, с
привязанной правой рукой - и победил. Ему, видите ли, наме-
кнули на некое превосходство. Сейчас - сами видите. Снимает.

К мальчишеским амбициям жизнь добавила два важных -
для дальнейшего успеха - свойства. Во-первых, сегодня он зна-
ет, что он делать будет, а чего не будет никогда, - это аспект
моральный, так сказать, границы дозволенного (не законом
опять же, а собственными представлениями о порядочности).
Во-вторых, он не менее хорошо знает, что он может, а что нет -
по крайней мере, не может сегодня. И выше потолка прыгать не
собирается, предпочитая постепенно его поднимать. При оче-
видной цельности натуры он способен заниматься многими де-
лами сразу. Многих это "разбрасывает", его - никогда. При оче-
видной азартности он трезв в самооценке и в оценке сопутствую-
щих ему обстоятельств. И это - уже не просто "в нужное время
в нужном месте". Это - шанс.

P.S. А все-таки интересно, как он отреагирует, если начать ка-
пать ему на мозги, что Гамлета из него и к о г д а не получится?

Владимир МАРТЫНОВ

Фото Игоря Гневашева и Сергея Плевако